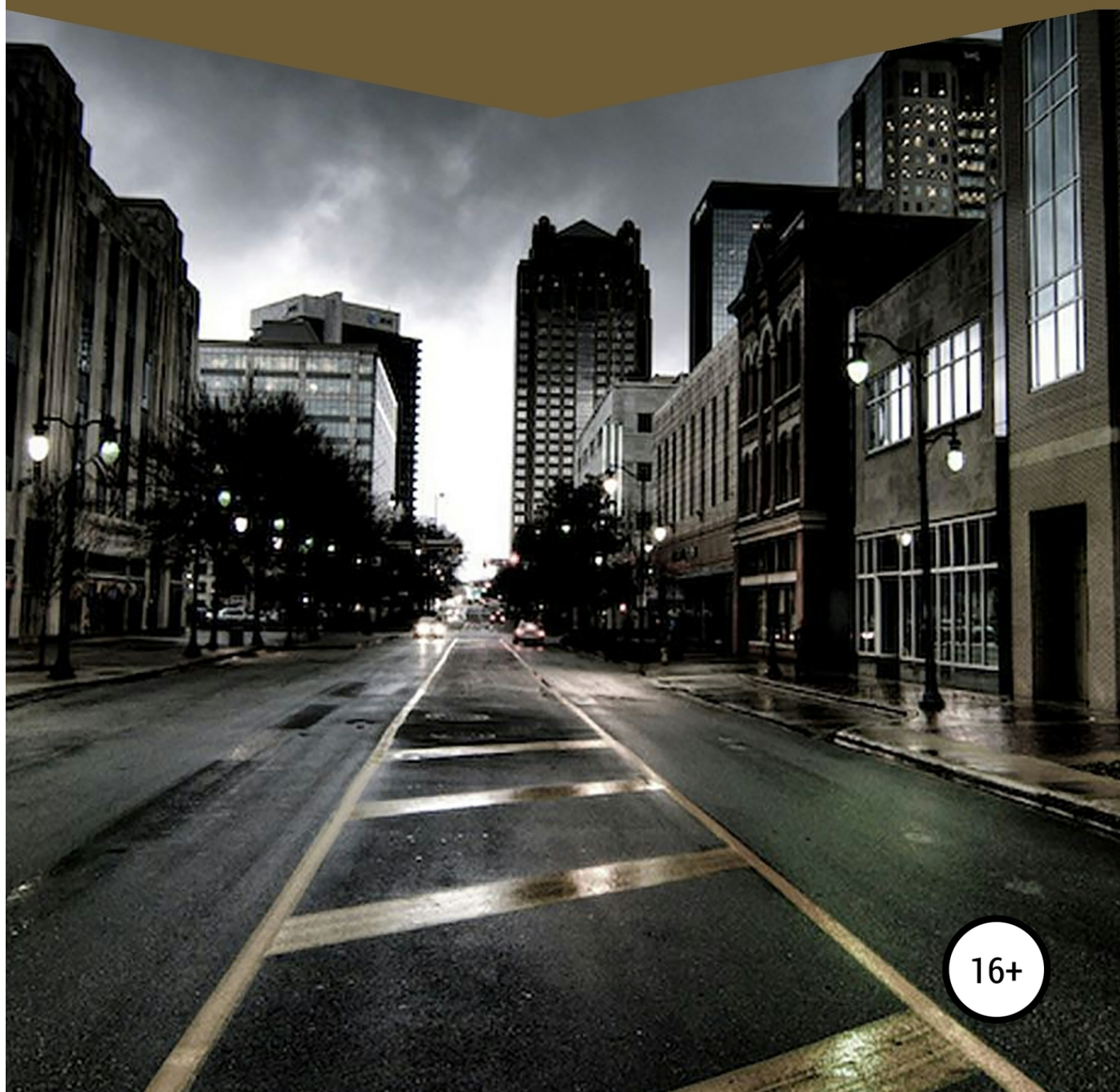

Мирослав Селенин

Психоделическая сублимация

Сборник мистических рассказов

16+

Мирослав Селенин

Психоделическая сублимация

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Селенин М.

Психоделическая сублимация / М. Селенин — «ЛитРес: Самиздат», 2000

В этом перевернутом вверх тормашками мире все происходит не так как обычно. Предметы оживают и начинают играть в наших судьбах решающую роль, зачастую более роковую, чем сами люди. Мельчайшие, на первый взгляд едва заметные, события порой меняют течение жизни совершенно невообразимым образом. Превращения и пертурбации становятся обыденным делом, а возникающие перед мысленным взором читателя картины выглядят столь неординарно, что способны свести с ума даже самого уравновешенного человека...

Этот мир – тоже вымысел.

ВНУТРИ ДЕРЕВА

Я не знаю, как оказался здесь в столь странном, если не сказать больше, положении. Только открыв однажды утром глаза, я вдруг с ужасом обнаружил, что вместо ставшей уже привычной картины в виде со вкусом обставленной просторной спальни из дуба я очутился в диком лесу, в котором запах сырости примешивался ко всему и был не менее устойчив, чем запах заплесневелых грибов, мхов и лишайников. Чувство несказанного удивления, вначале посетившее меня, сменилось чувством безоглядной тоски сразу после того, как я безуспешно попытался сделать несколько шагов. Обреченным взглядом я обвел окружающее меня пространство. Прямо передо мной находилась небольшая лужайка, уродливо разделенная заваленным прошлогодней листвой и шишками рвом. Сразу за лужайкой плотной стеной выстроились мощные и довольно неприглядные в свете наступающего пасмурного дня многовековые сосны. Сзади до меня донесся шум набегавшего ветра. Я хотел было оглянуться, но тут же почувствовал, что шея моя неподвижна, точно монолит. Окончательно деморализованный, я попытался было расправить плечи, но, к величайшему разочарованию, не испытал ни малейшего облегчения и не услышал ничего, кроме режущего слух похрустывания не то одеревенелых мышц, не то обветшалых и потому малопривлекательных сучьев...

Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, но я, откровенно говоря, нисколько не сомневался в том, что еще совсем недавно я был человеком. А как же иначе? Ведь не мог же я, в самом деле, на протяжении всей своей жизни быть деревом? И потом, если бы я действительно с самого начала был деревом, откуда в моем сознании могли появиться столь явные и весьма занимательные картины из, как мне казалось, моей прошлой человеческой жизни? Ведь если бы я действительно был не чем иным, как только деревом, навряд ли бы я имел хотя бы малейшее представление о том, как устроен человеческий организм, как выглядят современные квартиры, в которых живут мои многочисленные сограждане, и, самое главное, едва ли сумел подумать обо всем этом... ведь если бы я был деревом, то маловероятно, что вообще умел бы рассуждать!

Но я думал, думал об окружавшей меня действительности, о долгих прожитых будто в сильно затянувшемся и запутанном сне годах моего человеческого существования. Я ясно мог представить себе огромную пятикомнатную квартиру, находящуюся где-то на самом высоком этаже современного небоскреба, расположенного в центре огромного современного города, по-видимому, очень высокоразвитой страны. Из окон открывался великолепный вид на построенный из стекла и бетона квартал, подкрашиваемый в вечерние часы акварельно-изящным багрянцем заходящего солнца. Я помнил замысловатое покрытие стен в каждой из комнат, помнил, где когда-то повесил приобретенную на аукционе картину с изображением белого слона, выполненного из нетривиального нагромождения разнообразных геометрических фигур: от конусов-бивней до отрезка-хвоста.

Конечно же, я помнил свою очаровательную... Странно, я очень хорошо помнил свою очаровательную белокурую и длинноногую подружку, но не помнил ее имени! Неважно, ведь она на самом деле была у меня. Мы часто подолгу сидели на огромной тахте, смотрели какие-то бесконечные телепрограммы, пили... пили приятные напитки, после которых сначала очень хотелось заниматься любовью, а потом спать... потом опять заниматься любовью и опять спать – и так до утра, пока не приходила ни с чем не сравнимая истома, трехкратно – да чего уж там мелочиться! – стократно усиленная запахом кофе, который приносила мне в постель моя незабываемая... моя незабываемая, по-видимому, Элен.

Было и другое, о чем мой несколько затвердевший и вместе с тем довольно вместительный мозг сохранил легко извлекаемую из глубин непонятого прошлого информацию. Это было на какой-то горной дороге. Мы с Элен ехали на шикарном лимузине абсолютно черного цвета. Я сидел за рулем. Дорога петляла между облаков и скал, время от времени приоткрывая нашему взору ни с чем не сравнимые пейзажи. Тогда я сбрасывал скорость, и мы любовались медленно проплывавшей за окном неподражаемо-девственной красоты природой. Внезапно, как только и бывает в тропиках, а что это были именно тропики, я в этом нисколько не сомневаюсь, судя хотя бы по бурной растительности, на нас опустилась ночь. До отеля, в котором мы остановились, было еще далеко, и я не особенно старался сдерживать резвый нрав автомобиля, легко выполнявшего даже мои самые замысловатые и неожиданные команды. Внезапно, за очередным поворотом в свете фар прямо перед собой я увидел перегородивший путь огромный грузовик. Я нажал на педаль тормоза, но среагировав, по-видимому, уже слишком поздно, оказался здесь, в этом мрачном лесу, без квартиры, Элен, без дурманящего по утрам запаха кофе, без всего, кроме обрывков этих непонятных иногда и мне самому воспоминаний...

Простояв так несколько часов и изрядно промокнув под морозящим дождем, я не без удивления заметил, что несмотря на очевидную, казалось бы, безысходность моего положения в нем есть по крайней мере один неоспоримый плюс: мне не хотелось ни есть, ни пить, мне не было холодно, наконец... Мне было, если хотите, все равно... если бы, если бы, конечно, не было так противно! Боже, как мне хотелось плюнуть на изрядно уже опостылевшую мне лужайку с ее уродливым шрамом-рвом, надвое рассекшим ее одутловатое от чрезмерного количества потребленной влаги лицо, на эти по-военному одинаковые и оттого быстро надоевшие мне сосны. Мне очень хотелось сделать хоть что-нибудь, но я, увы, не мог пошевелить – чуть не сказал было “пальцем” – не мог пошевелить даже веткой. Ветер – вот кто делал за меня это, вальяжно и беспардонно играя моими листьями-волосами, подобно тому, как некогда, в мою бытность человеком, некоторые, уж не знаю, кем себя возомнившие люди, также вальяжно и беспардонно играли судьбами целых народов.

Так прошло несколько дней, в течение которых я безуспешно пытался ответить на вопрос, как меня угораздило вляпаться в такую, прямо скажем, нестандартную и малопривлекательную историю. По ночам мне очень часто и, признаюсь, тщетно хотелось закрыть глаза и хотя бы во сне представить себя вновь наедине с моей милой и незабываемой Элен. Глаза – если они вообще у меня существовали – не закрывались, а мои свидания с Элен рисовались мне в столь кошунственном виде, что я не рискну воспроизводить их во всех подробностях. Достаточно сказать, что на свидания с очаровательной девушкой в моих эротических грезах приходил не я прежний, в пижонском костюме и до блеска начищенных ботинках, а я – как бы это поточнее выразиться? – я теперешний, эдакий лаконично-приветливый и вместе с тем слегка эгоцентричный дуб.

Став, по иронии судьбы, деревом, я напрочь лишился всех тех приятных мелочей, на которые не обращал никакого внимания в бытность человеком. Мне не хватало не только Элен, ароматного запаха приготовленного ею кофе, мне не хватало и многого другого – главным образом, всей этой малопонятной и зачастую бесполезной суеты, которой до краев была наполнена моя прежняя человеческая жизнь. Ранее раздражавшая меня беготня, казалась мне теперь одним из наивысших земных наслаждений. Только будучи вкопанным в землю, точно столб, я до конца понял, чем статика отличается от кинематики. Возможно, если бы не закон сохранения энергии, я чувствовал бы себя несколько спокойнее. Но этот проклятый закон уже существовал для меня не только понаслышке. Временами меня так и распирала избыточная энергия, которую мне не на что было израсходовать. Я не мог даже – представьте себе! – надеть спортивный костюм, кроссовки, выйти на улицу и совершить небольшой моцион по живописному парку, отличающемуся от моего теперешнего дремучего леса, как небо от земли! Не мог выйти в театр, зайти в казино и поставить на черное последние пятнадцать долларов, не мог

сесть в самолет и улететь туда, где не растут такие гигантские уродцы, как я, а на фоне пальм и цветущей азалии гуляют темнокожие и белозубые женщины, легко и элегантно играющие мужчинами, морем и ветром точно так же, как и всем остальным.

Внезапно ход моих мыслей прервала появившаяся на соседнем дереве белка. В моем ограниченном жизненном пространстве это событие по значимости без всякого преувеличения можно было бы сравнить с наступлением выходного дня, когда можно себе было позволить встать на несколько часов позднее, чем обычно, включить телевизор и неспеша наслаждаться многочисленными развлекательными программами, изрядно украшенными обворожительными улыбками неподражаемых шоуменов. Иначе говоря, появившаяся на соседнем дереве белка привнесла в мой скучный и неподвижный мир, казалось, напроць уже позабытую атмосферу праздника. Ловко работая челюстями, она в считанные секунды распотрошила довольно аппетитную шишку, после чего как-то странно и выжидательно посмотрела в мою сторону, как бы прикидывая, стоит ли вообще связываться со мной или нет. После недолгого колебания белка совершила умопомрачительный прыжок и – о, Господи! – не успел я и глазом моргнуть – оказалась у меня на... на... – так и хочется сказать “на голове” – на кроне.

– Брысь! – почувствовав, как она беспардонно копошится в моих волосах-листьях, что было мочи заорал я.

Однако похоже, что никто, за исключением неизвестно откуда набежавшего ветра, не услышал моего истошного крика. В этот момент я, как мне кажется, до конца ощутил всю беспомощность моего положения. Я не мог противостоять ничему и никому, даже такому безобидному и игривому существу как белка. От хождения ее когтистых лап у меня сильно начала – или мне так показалось? – сильно начала чесаться правая сторона кроны. В бытность мою человеком я, не раздумывая, поднял бы руку, взял белку за шкурку, отшвырнул ее в сторону и не без удовольствия почесал раздраженное место. Но сейчас, сейчас я не мог ничего. Я был слабее белки, слабее мухи, я был слабее самого себя!..

Когда-то очень и очень давно, должно быть, еще до Элен, я занимался парашютным спортом. Я видел небо так близко, как никто другой. Да-да, тогда я умел не только ходить, бегать и прыгать, тогда я умел еще и летать. Мне никогда не забыть это ощущение свободного падения, когда с гулом, сравнимым разве что с ревом реактивного двигателя, Земля всей своей массой надвигается на тебя, бросая вызов, который невозможно не принять. Падая вниз, ты поднимаешься вверх, чувствуя, как кровь во сто крат быстрее течет по жилам, а мысль, воплощенная в одном бесконечном движении, сливается с телом в непререкаемом моменте истины...

Однажды, не знаю, правда, было ли это на самом деле или все же пригрезилось мне, – мой парашют не раскрылся... Стропы спутались, и мое свободное падение затянулось дольше положенного. Раскрылся, слава Богу, запасной парашют, но все же несколько долгих месяцев после этого прыжка я был прикован к постели, и мое тогдашнее положение казалось мне практически столь же безысходным, как и нынешнее, за исключением, пожалуй, одной существенной “мелочи”, что тогда я все еще оставался человеком, а сейчас окончательно превратился в дерево. Тогда у меня существовала пусть призрачная, но надежда когда-то подняться с постели, сделать несколько сначала робких, а потом и более уверенных шагов вперед навстречу своей дальнейшей неизбежной судьбе, в то время как сейчас у меня не существовало – точнее не могло существовать! – на это никакой надежды. Я стал деревом, а деревьям, как известно, не пристало ходить и делать многие другие столь привычные для людей вещи.

“А что если, – мелькнула у меня в голове какая-то еще, по-видимому, не до конца оформленная мысль, – что если все эти окружающие меня деревья, травы и песчинки, что если этот убогий ров, уже изрядно мне поднадоевший, точно так же, как и я воспринимают и чувствуют происходящее? Что если все они только прикидываются неодоушевленными и слепыми? А что если на самом деле это не так?”

Представив на минуту, что многочисленные сосны, столпившиеся за лужайкой, в течение уже нескольких дней не без интереса разглядывают меня и обсуждают мои достоинства и недостатки, я даже несколько оробел, ибо никогда в жизни – ни в прошлой, ни в настоящей – не тяготел к публичным выступлениям и не был замечен в стремлении к завоеванию дешевой популярности. Неожиданно мне стало стыдно за мое несколько неэтичное отношение к белке. По-видимому, мне не следовало так бесцеремонно пытаться прогнать ее. И это дурацкое “брысь!”, брошенное мною скорее по инерции, чем по злобе, каким-то нехорошим оттенком раскаяния пронеслось по глубинам моего испещренного морщинами многолетних событий ствола. В смущении я попытался отвести взгляд в сторону от множества пронизательных глаз – если таковые у них, конечно, были! – моих не в меру любознательных соседей, но тут же понял всю бесперспективность подобного рода попыток.

Раньше я не причинял белкам зла, да и людям, по большому счету, тоже! Быть может, только один раз в детстве, когда я больно избил ногами тринадцатилетнего мальчугана, попытавшегося без спроса прокатиться на моем велосипеде. Я не знаю, что на меня тогда нашло, но я рассердился так, что когда он упал, я еще долго бил его по различным частям тела. И чем громче он кричал: “Пожалуйста, не надо, не надо!”, тем сильнее становились мои удары. Когда он затих, я вдруг опомнился, понял, что совершил нечто ужасное и пустился прочь скорее не от себя самого, а от того, кто еще несколько мгновений назад грязно посягал на мой велосипед, а теперь корчился от боли, настигнутый неотвратимым наказанием.

Став дубом и ощутив весь драматизм неподвижности, я как-то непроизвольно вспомнил еще один малопонятный и ставший уже зарастать заплесневелыми пятнами прошлого эпизод. Не знаю, почему, но я, в прошлой моей жизни, очень негативно относился ко всему ветхому и, в особенности, старикам. Их беспомощность и, если хотите, неподвижность столь сильно раздражали меня, что как-то под вечер, случайно зацепив плечом неизвестно откуда подвернувшегося мне под ноги пожилого мужчину, я вместо извинений неожиданно для себя самого довольно зло и громко выкрикнул:

– Смотри, куда ползешь, черепаха!

Черепаха! Черт дернул произнести меня тогда эту фразу. В течение следующих нескольких дней я безостановочно корил себя за проявленную бестактность. Я даже пытался найти утешение в вине, к которому сызмальства испытывал довольно стойкое отвращение. Я, такой молодой и энергичный, толкнув старика, казалось бы, мог просто извиниться, а я... я зачем-то назвал его черепахой. И вот теперь, оказавшись в положении, когда торопиться уже никуда не нужно, я вдруг до дрожи не то в коленках, не то в корневище еще раз довольно отчетливо увидел покрытую туманной завесой малопонятного прошлого нелепую и довольно гнусную картину нет не стариковского, а скорее моего падения.

Чтобы хоть как-то отвлечься от нерадостных мыслей, я подумал, что было бы со мной, окажись я на поверку не дубом, а, скажем, той же самой черепахой. Плевать на то, что мне пришлось бы таскать на спине неуклюжее и, наверное, довольно тяжелое сооружение, вытягивать шею и озираться по сторонам в поисках неизбежных в любой, не только черепашьей, жизни подвохов. Главное в том, что, несмотря на все эти мелкие неудобства, я все-таки мог бы двигаться, в то время как сейчас, сейчас я мог разве что только грезить или пытаться что-то вспомнить, несколько театрално шевеля ветками и покачиваясь в такт неугомному задиреветру.

А еще, услышав как-то легкое постукивание капель дождя по моим листьям, я неожиданно вспомнил, как однажды мы с Элен, вернувшись с вечеринки, разгоряченные классным вином, поддавшись какому-то безрассудно очаровательному порыву, скинули с себя одежду и, вбежав в изысканно отделанную мрамором ванную, принялись дурачиться под душем, как если бы мы были не взрослые мужчина и женщина, а совсем еще несмышленные и оттого беззаботные дети. Сейчас, увы, я вряд ли мог бы порезвиться даже в том случае, если бы мне

вдруг приглянулась одна из этих кокетливо покачивающихся передо мной своими псевдобедрами молодых сосен. Единственное, что я, пожалуй, мог бы сделать, чтобы хоть как-то привлечь ее внимание, так это посильнее тряхнуть вдогонку ветру моей могучей шевелюрой-кроной, обдав чаровницу весьма отдаленно напоминающей брызги шампанского летней дождевой водой.

“Кстати, после дождя очень скоро должны появиться грибы,” – подумал я. И действительно не прошло каких-нибудь пяти-шести часов, которые совсем не запомнились бы мне, если бы не два совиных глаза, пристально смотревших на меня из крошечной темноты, как первые же лучи восходящего солнца подтвердили правильность моего предположения. Туман и приятно обволакивающая все члены сырость вкупе со свежим запахом нарождающегося утра сделали меня несколько веселее обычного, и я, увлекшись, стал методично осматривать поляну, надеясь под плотным слоем травы, затейливо приукрашенной серебряным блеском росинок, увидеть пробивающуюся наружу маслянистую, а, может быть, и бархатистую шляпку. Вскоре мои усилия были вознаграждены, и – вы не поверите! – прямо у своих ног – или как бы это поточнее выразиться?! – я заметил великолепный белый гриб. Естественно, он показался мне ввиду моих собственных гигантских размеров столь маленьким, что я чуть было не прослезился от некоторого разочарования. Но тем ценнее, тем ценнее была моя находка.

В течение следующих нескольких часов я, не отрываясь, смотрел на этот гриб и готов поклясться, что видел, как он растет буквально у меня на глазах. “Ах ты, шалун!” – снисходительно прошептал я, или, по крайней мере, мне показалось, что я что-то якобы прошептал. Боже, как мне хотелось нагнуться, потрогать его упругую шляпку, очистить ее от травы и любоваться, любоваться совершенством моего маленького лесного друга. Расслабившись, я как-то не придавал значения назойливому хрусту сучьев, раздававшемуся у меня за спиной. С каждой минутой хруст этот становился все ближе и ближе, и я, исполненный какого-то дурного предчувствия, тщетно силился обернуться назад, чтобы понять, что же является причиной этого зловещего хруста?

Однако буквально через несколько минут мучившей меня неизвестности пришел конец. Нет! Ради всего святого, только не это! На лужайку прямо передо мной вышел одетый в серый плащ и высокие болотные сапоги мальчик, почему-то напомнивший мне того самого мальчишку, который когда-то давно в моей прошлой человеческой жизни так грязно и беспардонно посягал на мой велосипед. В правой руке он держал длинную палку, а в левой – огромную корзину, наполовину заполненную грибами. Остановившись, чтобы перевести дух, он не без интереса посмотрел в мою сторону, и на какую-то долю секунды мне даже показалось, что он узнал меня.

– Не надо, – попросил его я.

Но он не услышал моей просьбы. Напротив, взгляд его скользнул вниз по моему стволу, и уже через мгновение в нем появились нехорошие плотоядные искры. Парень сделал несколько шагов мне навстречу. Переложил палку из правой руки в левую, достал из кармана нож и, присев на корточки – о ужас! – хладнокровно в мгновение ока срезал найденный мною белый гриб и, аккуратно положив его в корзину, направился дальше.

– Убийца! – крикнул я ему вслед, но тут же пожалел, потому что парень неожиданно развернулся, подошел вплотную ко мне и резко вонзил нож чуть ниже моей предпоследней нижней ветки.

Скорчившись от боли, я подумал, что вот-вот упаду. Из последних сил я размахнулся, но не ударил, а лишь слегка оцарапал его ненавистное молодое лицо.

– Вот дьявол, – вытирая проступившую на щеке кровь, в свою очередь, возмутился он, и еще раз продырявив мою кору остро отточенным лезвием, исчез, унося с собой частичку моего эфемерного лесного счастья.

Когда-то, прилично заработав на одной спекулятивной операции, я подарил Элен часы с золотым браслетом, украшенными несколькими изящной огранки бриллиантами. Не знаю, но

так уж устроен – чуть было не сказал “дуб” – так уж устроен человек, что иногда его необъяснимо тянет совершать безумные поступки.

– На эти деньги, – резонно заметила Элен, – мы могли бы купить новый спальный гарнитур. И вообще, – не без грусти посмотрев на меня, добавила, – дарить часы – нехорошая примета. Это к разлуке.

– Не волнуйся, дорогая, – нежно обняв Элен за талию, парировал – или мне кажется, что парировал? – я, – если и стоит верить в приметы, то только в хорошие.

– Ладно, это я так, – согласилась Элен и, примерив часы, снисходительно улыбнулась. – Время пошло!

Зря, наверное, она сказала тогда эту фразу, а, может быть, – кто же теперь разберет? – может быть, зря я, действительно, подарил ей эти чертовы часы?! Как бы то ни было, через две недели после этого злополучного дня мы отправились с Элен в отпуск, сели в ту самую обреченную машину, выехали на извилистую горную дорогу и, о чем я уже рассказывал, разбились и расстались, наверное, навсегда. Не знаю, куда попала Элен. Надеюсь только, что ей повезло несколько больше, чем мне. Надеюсь, что она не лежит и тем более не стоит без движения точно так же, как я, а по-прежнему продолжает жить полноценной жизнью в шикарных апартаментах в далекой, но, по-видимому, очень богатой стране. Мой же удел, и временами мне кажется, что так теперь будет всегда, торчать здесь посреди этого безликого скопища вечнозеленых и широколиственных молчунов, кичащихся своей внешностью и оттого еще более нелепых и бесперспективных.

– Знаешь, – услышал я за спиной чей-то прокуренный голос, – мне кажется, это то самое место.

– Что вы! Уверяю вас – вы ошиблись, – не оборачиваясь и в очередной раз предчувствуя нечто неприятное пробормотал я.

– Да-да, это именно оно, – не обращая никакого внимания на мои реплики, ответил другой еще более прокуренный голос. – Будем начинать?

– Будем начинать – произнес неприятный некто и бросил на землю что-то увесистое, больно задевшее мою расшатанную нервно-корневую систему.

Нак какое-то время голоса стихли, и я не без содрогания прислушался к странным едва доносящимся до меня звукам. Сначала, как мне показалось, это был звук металла, а чуть позже – звук переливающейся жидкости.

– Готов? – вновь прохрипел первый прокуренный голос.

– Готов! – бодро ответил ему второй.

“Готов к чему?” – судорожно перебирая варианты, подумал я, но так и не успел ответить на этот вопрос, так как почувствовал, что двое незнакомцев перемещаются в сторону моей вздымающейся от волнения груди. Предполагая нечто ужасное, я осторожно скосил взгляд в их сторону и тут же зажмурился, заметив в руках одного и второго зловещие бензопилы. Остановившись прямо передо мной, двое бородатых мужчин еще раз внимательно оглядели меня не то с ног до головы, не то от корней до кроны и, взревев моторами адских инструментов, безжалостно врезались в мое тело острооточенными лезвиями.

– Не надо! Остановитесь! – превозмогая дикую боль, что есть мочи крикнул я. – Я здесь, здесь внутри дерева!

– Ты слышал? – вынув лезвие из моей кровотока или сокоточащей раны, спросил более молодой из моих палачей.

– Что? – спросил другой, ни на секунду не прекращая экзекуции.

– Он здесь, здесь внутри дерева!

– Ну и что, – не без укоризны заметил первый, – когда ты соглашался на эту работу, разве ты не предполагал, что он может быть именно здесь?

– Да, но... – хотел было что-то возразить своему более опытному напарнику лесоруб-правдоискатель, но, очевидно передумав, как-то еще более нагло и воинственно впился лезвием бензопилы в мои рвущиеся на части внутренности.

Прохрипев несколько мгновений я в последний раз собрал не то в легкие, не то еще в какие-то неведомые части моего исстрадавшегося организма побольше воздуха и, издав наверное самый истошный крик в моей жизни, потерял сознание...

* * *

Когда я очнулся, то увидел, что лежу рядом с такими же аккуратно обструганными чурбанчиками, как и я. Передо мной ласково потрескивает камин. Обстановка гостиной кажется мне до боли знакомой. Внезапно в гостиную входит Элен. О Боже! Чувство несказанной радости переполняет меня. Я пытаюсь подняться, чтобы броситься ей навстречу и стиснуть ее в своих объятиях, однако какая-то неведомая сила останавливает этот мой самый искренний и беззаботный порыв. И, по-видимому, останавливает она меня совершенно правильно, потому что сразу вслед за Элен входит совсем незнакомый мне мужчина и делает то, о чем я только что набрался смелости помечтать. Он обнимает Элен за талию, притягивает ее к себе, и через несколько мгновений – о ужас! – их уста сливаются в страстном продолжительном поцелуе.

– Стерва! – трепеща от негодования, кричу я. – Как же ты можешь?!..

– Извини, дорогой, мне кажется, здесь кто-то есть, – обернувшись на мой крик, реагирует Элен, – подожди минутку, сейчас я вернусь, – и, сделав несколько шагов в моем направлении, берет меня за голову и, в последний раз нежно взглянув на меня большими голубыми глазами, хладнокровно бросает в камин...

ЧУДНОЙ ПАРИКМАХЕР

Со стороны Зигфрид Шауфенбах мог показаться вполне добропорядочным гражданином. Да он по существу и был добропорядочным, если бы... если бы не одно “но”... Зигфрид Шауфенбах проживал с тремя взрослыми дочерьми в небольшом городке в предместьях Берлина. Имел собственный добротно построенный дом с великолепно ухоженным участком, налаженное, перешедшее ему по наследству от отца дело и неугомонно, несмотря на довольно почтительный возраст, веселый нрав. Как и полагается любящему отцу, Зигфрид Шауфенбах был весьма озабочен проблемой замужества своих засидевшихся в невестах дочерей. Эта, пожалуй, последняя из неразрешенных им в жизни проблем настолько сильно беспокоила его, что заставляла нервно дрожать его главное человеческое достоинство – искусные руки виртуозного парикмахера.

Первые признаки с годами заметно усилившейся дрожи появились у Зигфрида Шауфенбаха тогда, когда его старшей дочери Гретхен исполнилось восемнадцать лет. Гретхен была довольно привлекательной и уверенной в себе девушкой. В ее голубых и оттого не по-земному обворожительных глазах игриво поблескивали огоньки сумасбродства. Поклонники, если и не выстраивались очередями вокруг respectable дома Шауфенбахов, то, по крайней мере, регулярно присылали Гретхен письма с восторженными объяснениями в любви, которые рассудительная девушка сортировала по первым буквам фамилий ее воздыхателей и аккуратно складывала в довольно вместительную шкатулку, запиравшуюся на ключ. Ключ этот предусмотрительная Гретхен все время держала при себе, однако это не мешало двум ее не менее одаренным природной смекалкой и очарованием сестрам – Кларе и Фелиции – быть в курсе всех без исключения любовных походов своей старшей сестры.

– Ах, папа! Они такие назойливые, – частенько жаловалась сердобольному отцу Гретхен, – мне кажется, они тайком читают посланные мне письма!

– Ничего, ничего, деточка, – нежно поглаживая белокурую голову дочери, приговаривал Зигфрид, – в таком маленьком городке, как наш, это для них едва ли не единственное развлечение. Будь снисходительной – ведь ты у меня такая умница.

Шли годы. Руки парикмахера Шауфенбаха дрожали все сильнее. Шкатулки, похожие на ту, что некогда была только у старшей сестры, появились сначала у Клары, а полтора года спустя и у Фелиции. Теперь уже и Гретхен знала, чем себя занять в перерывах между учебой в Берлинском университете и выяснениями отношений с поклонниками. Застав как-то навзрыд рыдающую в своей спальне Клару, не то чтобы мстительная, а скорее излишне педантичная Гретхен небезосновательно заметила:

– Милая Клара! Когда-то, в случаях моих разногласий с парнями, вспомни, ты и Фелиция были крайне ироничны. Сейчас ты на собственном опыте смогла убедиться в том, сколь лживыми и жестокими могут быть мужчины. Позволь и мне, несмотря на то, что по-сестрински мне хочется посочувствовать тебе, немного повеселиться и сказать, что ты такая же никому не нужная дурочка, какой была я в твоём романтическом возрасте. Дальше в жизни, поверь, тебя будут преследовать одни разочарования, и даже порывистые, точно шквальный ветер, периодические приступы страсти никогда не смогут окончательно их заглушить.

– Ты врешь, ты все врешь! – поднимая на сестру заплаканные глаза, сказала Клара. – Ты, верно, думаешь, что самая умная из нас?

– Я думаю, что мы очень похожи, сестра, и то, что случилось со мной, непременно произойдет сначала с тобой, а чуть позже наверняка и с Фелицией – вы разочаруетесь в мужчинах точно так же, как сделала это когда-то я, вы будете искать их внимания скорее просто так, по инерции, но никогда вам не суждено будет найти той единственной истинной любви, о которой раньше мечтала и я.

– Почему ты так уверена в этом? – несколько успокоившись, спросила Клара.

– Гены!

– Что? Какие еще гены?

– Папины, – пояснила Гретхен, – ты разве не чувствуешь, что этот весь его показной юмор и благодущие – не что иное, как защитная реакция на неудовлетворенное либидо?

– Глупости, Гретхен, – услышав малопонятное слово, мгновенно вышла из депрессивного состояния Клара, – ты явно перечитала заумных книг.

– Что ж! Не веришь – твое право, – парировала Гретхен. – Только, поверь мне, что через какое-то время то же самое произойдет и с Фелицией.

– О, Господи!

– Да-да, и тогда у отца руки станут трястись так, что он не только не сможет стричь людей, но и ложку до рта не сумеет донести.

– Что же нам делать?

– Надо, по крайней мере, стараться делать вид, что у каждой из нас в личной жизни все хорошо, и что вот-вот мы поочередно, а если повезет, возможно, и одновременно, выскочим замуж.

– Бедный папа, – промокнув платком влажное лицо, прошептала Клара, – пожалуй, ты права, Гретхен, – будем пытаться делать вид... Я поговорю с Фелицией.

– Не надо, я сама с ней поговорю.

* * *

Зигфрид Шауфенбах опустил помазок в ванночку с теплой водой, после чего нанес на него изрядное количество пены и тщательно намылил ею подернутые седоватой щетиной щеки и подбородок своего клиента. Хельмут Рутке, живший в пяти минутах ходьбы от парикмахерской Шауфенбаха, имел обыкновение по субботам заходить к пятидесятилетнему добряку Зигфриду не только для того, чтобы побриться, но и обсудить произошедшие в городке за неделю

события. Хельмуту Рутке нравился мелодичный голос парикмахера и его незатейливые шутки, иногда отпускаемые жизнерадостным Шауфенбахом вместо сдачи.

– Как поживают ваши очаровательные дочери? – разглядывая в зеркало подуставшее за неделю лицо парикмахера, поинтересовался вежливый Рутке.

– Спасибо, Хельмут, нормально. Спросите лучше, как поживает их непревзойденный отец!

– И как же он поживает?

Зигфрид Шауфенбах взял в руки бритву и, не без отвращения посмотрев на до боли знакомую щеку клиента, ответил:

– Бывало и хуже.

– Что так? – участливо произнес Хельмут. – Быть может, вы потеряли часть клиентуры?

– Отнюдь нет! За последнее время волосы, слава Богу, не перестали расти! Это вам не пшеница – их поливать не надо!

– Что верно, то верно, – не без горечи разглядывая в зеркало свою малопривлекательную лысину, согласился Рутке. – И что же в таком случае у вас стряслось?

– Видите ли, Хельмут, – сконцентрировав взгляд на выступающих на шее клиента венах и ловко орудуя бритвой, заметил парикмахер, – вам, отцу единственного взрослого сына, я думаю, меня не понять...

– Отчего же, дружище, – провожая настороженным взглядом спящее перед его носом остро отточенное лезвие, заметил Рутке, – я попытаюсь.

– Три дочери! Три! Вы понимаете, что это такое? Это целый мир, целая вселенная. И если во вселенной происходят какие-то катаклизмы, то они непременно происходят и с моими дочерьми. Пожалуйста, поднимите подбородок.

Хельмут Рутке послушно выполнил указание мастера и заметил:

– С моим Фрицем, кстати говоря, тоже не все благополучно.

– Да, я что-то слышал про эту драку в пивной, – без энтузиазма заметил Зигфрид Шауфенбах, – говорят, что там прошло сборище неофашистов?

– Что вы, Зигфрид! Мальчики просто выпили пива чуть больше, чем положено, и немного поговорили о политике.

– После чего еще долго болтались по улицам и цеплялись к припозднившимся прохожим... Моя Клара, кстати, видела эту ватагу. Кто-то из юнцов отпустил несколько неприличных высказываний в ее адрес.

– Надеюсь, дорогой Зигфрид, что это все же был не мой сын.

– Я тоже на это надеюсь, – откладывая в сторону бритву, мрачно усмехнулся Шауфенбах. – Как всегда – одеколон?

– Будьте так любезны.

После того, как Хельмут Рутке покинул его заведение, Зигфрид Шауфенбах еще долго стоял перед зеркалом, глядя в свои утомленные повседневными заботами глаза и пытаясь унять вновь начавшуюся в руках сильную дрожь. “Из-за таких ублюдков, как его ненормальный Фриц, – думал Шауфенбах, – моим девочкам страшно выходить на улицу. Из-за таких ублюдков у них, естественно, рушатся идеалы. Они, верно, думают, что нормальные люди давно перевелись? Мне предстоит переубедить их в этом заблуждении, а если не удастся переубедить, я вынужден... я вынужден буду...”

В этот момент сильный звон разбитого стекла заставил Зигфрида Шауфенбаха прервать мрачный ход своих рассуждений и пуститься вдогонку двум улетающим на велосипеде мальчишкам, разбившим витрину его парикмахерской огромным булыжником, сохранившимся, вероятно, со времен Веймарской республики. Пробежав несколько кварталов, запыхавшийся парикмахер сел на скамейку и произнес про себя несколько тех малоупотребительных фраз, которые приходят на ум лишь в моменты крайнего эмоционального напряжения.

Отдышавшись и несколько придя в себя, Зигфрид Шауфенбах поднялся и медленно пошел туда, откуда он еще несколько мгновений назад бежал с позабытой уже молодецкой прытью...

* * *

– Ну и шкода ты все же, Фелиция, – строго глядя на младшую сестру, проронила рассудительная Гретхен, – как ты не можешь понять, что все твои отговорки по поводу поздних возвращений домой, которыми ты пытаешься утешить папу, малоубедительны?

– Отчего же, Гретхен, – развязно болтая ногами и активно пережевывая кусок яблока, сделала круглые глаза Фелиция, – мне всегда казалось, что в мои годы ты поступала точно так же?

– В мои годы наркотики не были еще так распространены – это, во-первых, и, если мы и занимались сексом, то не все вместе, да еще и на полу – это, во-вторых.

– Можно подумать, сестра, что ты стояла и подсматривала за мной в замочную скважину, – съязвила не лишённая элементов отцовского остроумия Фелиция, – или, быть может, это была Клара, которая тебе потом все рассказала?

Без лишних эмоций Гретхен приблизилась к сестре, присела рядом с ней на диван и, уверенным движением высвободив руку Фелиции от мешавшего разговору яблока, продолжила:

– Послушай, Фелиция! Когда умерла наша мама, я очень хорошо помню, как отцу было непросто взять себя в руки. Конечно, их отношения были далеко не идеальными – и все же, если бы не мы, папа очень легко мог бы сорваться. Он сконцентрировал на нас все свое внимание и всю свою отеческую и, я бы даже сказала, мужскую любовь. Кроме нас у него, по большому счету, никого не было, нет и не будет! Да, он, как и раньше, очень легко увлекается женщинами, безудачно шутит и отпускает ничего не значащие комплименты, но любить по-настоящему, уверяю тебя, дорогая моя, он не сможет уже никогда. Он сконцентрирован на нас, как на самом себе. Любая, пусть даже самая мелкая неудача, касающаяся одной из нас, живо и стократно отражается болью в его искреннем сердце. Ты только представь себе на минуточку: целыми днями он вынужден общаться с этими нашими местными мужчинами, брить их шершавые щеки, стричь слипшиеся волосы. От одной этой мысли можно сойти с ума...

– Не такие уж они и плохие, наши местные мужчины, Гретхен! – возмутилась мало путешествовавшая в своей жизни Фелиция. – Кстати, твой последний берлинский ухажер... Как его? Людвиг, кажется? Между прочим, тоже мог бы быть чуть-чуть посимпатичнее!

– Сейчас не об этом речь. Я не хочу тебе читать мораль, не хочу показаться ханжой, я просто хочу раз и навсегда объяснить тебе, что все наши неудачи в отношениях с мужчинами делают отца раздражительным. Я уже говорила Кларе, что все ваши, как, впрочем, и мои собственные потуги обрести настоящую и единственную любовь обречены...

– Почему, Гретхен? – заинтересовалась Фелиция, – Пожалуйста, объясни!

– По этому поводу написаны сотни книг, но я не тешу себя надеждой, что ты завтра же пойдешь и возьмешь хотя бы одну из них в библиотеке.

– Раз так, тем более. Пожалуйста, Гретхен, мне действительно это интересно.

– Ну ладно. Я долгое время наблюдала сначала на своем, а потом и на вашем с Кларой примерах, как легко завязываются и не менее легко рвутся наши взаимоотношения с мужчинами. Это заложено в нас природой и спорить с этим практически бесполезно. Таков, кстати, и наш благородный отец. При всем уважении к нему не могу не заметить, что его отношения с женщинами носят, по моему мнению, маниакально кратковременный характер. Все это, если говорить проще, не что иное, как полигамия.

– Что? – округлив от изумления не менее голубые, чем у старшей сестры глаза, протянула Фелиция.

– Полигамия. Желание иметь сексуальные отношения с разными партнерами. Вспомни, дорогая, сколько у тебя к твоим двадцати годам уже было мужчин?

- Четырнадцать, – ни секунды не мешкая, ответила Фелиция, – я недавно считала.
- Вот видишь, – прикидывая в уме, сколько же имела к двадцати годам она сама, резюмировала Гретхен, – четырнадцать! И со сколькими из них ты встречаешься сейчас?
- С тремя.
- Это и есть полигаммия, та самая полигаммия, к которой имеют предрасположенность все без исключения члены нашей семьи, включая отца.
- Ну и что нам с этим делать, по-твоему? Я лично не вижу в этом ничего страшного. Это же не диагноз, в конце концов. Это скорее...
- Что?
- Ну, это скорее... скорее... стиль жизни!
- Согласна, но от этого руки нашего дорогого отца не перестают дрожать!
- Не понимаю, что же все-таки мы должны сделать?
- Мы должны обязательно, желательно все втроем, дать понять ему, что у каждой из нас есть настоящая, одна единственная-разъединственная, вечная и неповторимая любовь! Выбери, пожалуйста, кого-нибудь одного из твоих воздыхателей и объяви отцу, что ты собираешься выходить замуж. То же сделаем и мы с Кларой.
- И ты думаешь – это поможет?
- По крайней мере следующие полгода тебе не надо будет каждый раз придумывать новые объяснения по поводу поздних возвращений домой, – привела очередной довольно убедительный довод в защиту своей теории изобретательная Гретхен и, помедлив долю секунды, горько усмехнувшись, добавила, – как, впрочем, и мне.

- Доброе утро, Эрик. Пожалуйста, проходите и присаживайтесь в кресло, – широко улыбаясь, пригласил занять привычное место очередного, давно знакомого клиента неутомимый Зигфрид Шауфенбах.
- Доброе утро, Зигфрид. Вы светитесь так, точно переели рыбы, – фамильярно похлопав по плечу добряка Зигфрида, попытался перехватить у хозяина пальму первенства завязатого остролова Эрик Шнурбе.
- Мои девочки выходят замуж, от этого недолго и засветиться, – смущенно улыбаясь, парировал парикмахер и взял в руки бритву.
- Ну же, старина, – удобно устроившись в кресле, поинтересовался Шнурбе, – рассказывайте, кто те счастливики, что вскоре станут вашими затылками. Кто-то из местных?
- Право, Эрик, мне как-то не хочется особенно распространяться на эту тему...
- Бойтесь сглазить? Что ж, я понимаю, – со знанием дела произнес великовозрастный Эрик Шнурбе.
- Не в этом дело, – внимательно разглядывая, как ритмично вздувается и сокращается на исхудавшем горле клиента вызывающе-фиолетовая вена, прореагировал Зигфрид Шауфенбах, – просто сегодня мне хочется немного помолчать.
- Что ж, в таком случае, если позволите, дорогой Зигфрид, я расскажу вам историю, которая приключилась однажды с неким молодым человеком, отличавшимся довольно скверным нравом и занимавшимся, скажем так, введением в заблуждение несмышленных девиц. Конечно же, я надеюсь, эта история никоим образом не будет воспринята вами превратно, поскольку не имеет никакого отношения ни к вам, ни тем более к вашим дочерям. Однако она мне представляется весьма и весьма поучительной, поскольку еще и еще раз подтверждает тезис о том, что верить в наше время нельзя никому.
- Нельзя никому? – будто во сне произнес последнюю часть реплики своего клиента Зигфрид Шауфенбах, – и тут же спохватился: – А собственно говоря, почему?

– А-а-а, – не без энтузиазма протянул переполненный чувством собственной значимости Эрик Шнурбе, – значит, вам действительно интересно?

– Пожалуй, – нехотя согласился занятый своими мыслями парикмахер, – рассказывайте, почему бы и нет? Только, пожалуйста, сидите спокойно и не совершайте резких движений – не забывайте, что я все-таки за работой, которая не терпит производственного брака.

– Да-да, Зигфрид, разумеется. Итак, слушайте! Лет двадцать тому назад, о чем мне поведал, кстати, один мой давнишний приятель, в одном из южных городков Франции поселился весьма подозрительный молодой человек. Звали его Этьен Пуатье. Родом он был из одной французской заморской территории: не то с Сейшельских островов не то откуда-то из Новой Каледонии. Вид у него был самый что ни на есть привлекательный: точеная, будто из сандалового дерева фигура, темные вьющиеся волосы, белые зубы и нагло-серые глаза. И поселился он в этом самом городке не один, а, как поговаривали, возможно, не такие уж и злые языки, с ослом, которого хитроумный Этьен приволок с собой якобы из-за океанских и уже потому загадочно-привлекательных широт.

Осел этот был совершенно ничем не примечателен, разве что уши у него были чуть-чуть длиннее обычного, да глаза смотрели на мир не то чтобы печально, а, я бы даже сказал, тоскливо. При виде этого осла так и хотелось забиться куда-то в угол и горько заплакать. Особенно сильные эмоции осел, естественно, вызывал у многочисленных дам, которых коварный Этьен приглашал к себе под предлогом знакомства с его неизменным четвероногим другом. К тому же нагловатый красавец настоятельно требовал, чтобы приходившие к нему девушки непременно приносили ослу охапку свежескошенной травы. Все это, с женской точки зрения, разумеется, выглядело весьма романтично, чем неприхотливый и любвеобильный Этьен не переставал безнаказанно пользоваться.

Так продолжалось несколько лет. Этьен цинично играл на чувствах сентиментальных дам, неизменно разыгрывая перед посетительницами одну и ту же неплохо отрепетированную сцену: охапка свежескошенной травы, выражение любви и сочувствия бедному животному, краткий, но живописный рассказ о тяжелой жизни на островах и переселении во Францию, пожинание лавров и вкушение удовольствий, трогательное, но решительное расставание. Кстати сказать, четвероногий друг и сообщник Этьена Пуатье в его амурных делах тоже не оставался в накладе. По крайней мере, он всегда был сыт, находился в центре внимания все новых и новых очаровательных дам. Об этом мог мечтать, казалось бы, кто угодно, только не осел! Но весь парадокс ситуации и состоит в том, что он, хоть и был ослом, но именно у него было все то, о чем мог бы мечтать кто угодно, только не он.

И все бы, возможно, так и продолжалось еще долгие и долгие годы, если бы в один злополучный день Этьен Пуатье ни пригласил к себе в дом некую излишне романтическую и эрудированную особу. То ли взгляд четвероногого друга хозяина показался ей излишне удрученным, то ли она недавно перечитала “Золотого осла” Апулея – как бы то ни было изрядно подвыпившая дама совершенно безапелляционно заявила, что теперь она наконец окончательно определилась и готова подтвердить под присягой, что любит только – кого бы вы думали, Зигфрид? – совершенно верно – именно этого осла!

При упоминании своего имени парикмахер Зигфрид Шауфенбах неожиданно вздрогнул. Препротивная история Эрика Шнурбе стала изрядно раздражать его. Чтобы хоть как-то побороть устойчивое чувство отвращения к своему клиенту, парикмахер, набрал в легкие большое количество воздуха, на несколько секунд задержал дыхание, после чего, сделав над собой невероятное усилие, наигранно-заинтересовано произнес:

– И после этого они, конечно же, поженились?

– Кто? – удивился Эрик Шнурбе.

– Ну, не осел с девушкой, конечно, а этот ваш... Этьен Пуатье с одной из своих многочисленных дам?! Ведь после того, как настырная юная особа окончательно отбила у пройдохи

Этьена его четвероногого друга – а я думаю, что все случилось именно так – у Этьена Пуатье не стало самого главного – его легенды, благодаря которой он столько времени втирался в доверие к беззащитным и искренним созданиям...

– Как бы не так, мой дорогой и наивный Зигфрид! Как бы не так! – В очередной раз излишне возбужденно затараторил посетитель. – Если бы все было так просто, неужели бы я стал рассказывать вам эту историю?!

– А что же в таком случае произошло? – с ужасом глядя на свои трясущиеся руки, переспросил Зигфрид Шауфенбах.

– А произошло то, что когда Этьен Пуатье понял, что его собственный осел в отличие от него самого обрел ту самую настоящую любовь, он просто-напросто не выдержал и... убил своего осла...

– То есть, как это – убил? – уставившись на рассказчика, переспросил Зигфрид Шауфенбах. – Ведь он не мог этого сделать?!

– Не мог, но сделал, – упрямо повторил Эрик Шнурбе, – я поэтому и рассказал вам эту историю.

– Да-да, конечно, – в какой-то прострации произнес парикмахер и совершил произвольно резкое движение рукой... Несколько капель крови выступили на гладко выбритой щеке Эрика Шнурбе.

– Вот черт, Зигфрид, да вы с ума сошли, – схватившись за порезанную щеку, воскликнул перепуганный рассказчик.

– Прошу прощения, Эрик, прошу прощения, – засуетился вокруг клиента неугомонный Зигфрид Шауфенбах и, продезинфицировав рану, добавил, – и все же я никак не могу поверить, чтобы Этьен Пуатье вот так запросто убил своего осла!

– Папа, папа, – лицо Гретхен выглядело бледнее мела, – скорее, ради Бога, скорее: Клара попыталась вскрыть себе вены.

– Что?! – Зигфрид Шауфенбах, размеренно покачивавшийся в кресле за традиционным прочтением журнала “Штерн”, резко вскочил на ноги и побежал вслед за перепуганной Гретхен в ванную комнату. – Срочно вызови скорую, – взволнованно добавил он.

– Я уже сделала это, – отреагировала Гретхен.

Медицинская бригада приехала так быстро, что Гретхен и ее отец не успели даже, как следует, перетянуть жгутом и забинтовать пораненную левую руку Клары. К счастью, как вскоре заявил благообразного вида довольно молодой врач, вены пострадавшей затронуты не были, и все, что нужно было сделать в данном случае – это продезинфицировать рану и наложить повязку.

– Мой вам совет, – прощаясь, участливо взял за плечо Зигфрида Шауфенбаха понимающий медик, – уложите вашу дочь в постель, дайте ей, если потребуется, снотворного и ни в коем случае не утруждайте ее расспросами. Сегодня ей необходимо отдохнуть. Завтра, пожалуйста, передайте Кларе, чтобы она пришла на перевязку. Да, и вот еще что, – стоя в дверях, нарочито растягивая слова, произнес он, – не волнуйтесь, ее самочувствие вполне удовлетворительно, чего... чего я бы не сказал о вашем...

Зигфрид Шауфенбах взлянул в стоящее напротив него зеркало и не без сожаления, увидев в нем свое изможденное лицо и трясущиеся руки, согласился:

– Да-да, пожалуй, вы правы.

Остаток вечера Зигфрид Шауфенбах провел в своей комнате, бесцельно раскачиваясь в кресле и тупо уставившись в стену. Примерно в половине двенадцатого он услышал, как

хлопнула входная дверь. – По-видимому, это вернулась Фелиция, – подумал Шауфенбах и решил спуститься вниз, чтобы поинтересоваться делами младшей дочери.

Как только пошатывающейся от усталости и тревожных походкой он подошел к гостиной, то по доносившемуся оттуда шуму сразу же понял, что его дорогая и нежно любимая Фелиция, несмотря на столь раннее для нее возвращение, по всей вероятности, довольно изрядно пьяна. Войдя в гостиную и бросив беглый взгляд на дочь, Шауфенбах понял, что не ошибся. Коротко остриженные волосы Фелиции были как-то противоестественно вкоченены. Блузка, под которой несложно было заметить ничем более неприкрытые и оттого довольно бесстыжие груди, казалось, насквозь была пропитана сигаретным дымом. Юбка, и без того не отличавшаяся особой строгостью, выдавала своей пугающей помятостью весьма и весьма легкомысленный нрав ее обладательницы.

– Боже, Фелиция, – не удержался от изрядно надоевших всем, в том числе и ему самому, нравоучений Зигфрид Шауфенбах, – как же можно так напиваться, ведь ты же – девушка?!

– Папа, – наливая полный стакан пива, вяло прореагировала на отпущенное в ее адрес замечание Фелиция, – я же сказала тебе, что выхожу замуж за... за этого... Ганса... Что тебе еще нужно?! Мы же можем позволить себе немного поразвлечься?

– Мне казалось, – присаживаясь рядом с дочерью, не без тени сомнения произнес Шауфенбах, – что Ганс – довольно воспитанный молодой человек, чуждый всех этих сомнительных развлечений... Когда ты знакомила меня с ним, мы так долго разговаривали про живопись и киноискусство...

– Папа, твоя наивность меня просто поражает! Неужели ты думаешь, что человек, способный говорить об искусстве, не может быть алкоголиком?

– Но он, я надеюсь, не алкоголик?

– Кто?

– Твой Ганс?

– При чем здесь Ганс, папа. Что ты заладил: Ганс, Ганс. Нет у меня никакого Ганса, понимаешь? Нет, и никогда не было!

– То есть, как это не было, – изумился Зигфрид Шауфенбах, – а с кем же я разговаривал тогда две недели тому назад?

– А-а-а, ты имеешь в виду этого кучерявого, – ехидно улыбнулась Фелиция, – хочешь правду?

– Конечно, – предчувствуя нечто неприятное, нехотя согласился Шауфенбах и, чтобы хоть как-то потянуть время, добавил, – Клара сегодня пыталась вскрыть себе вены, но, слава Богу, все обошлось...

– Это неудивительно, ведь она точно такая же лгунья, как и я!

– То есть? – нахмурился Шауфенбах.

– Папа, постарайся понять меня правильно: мне чертовски надоела затеянная нами игра!

– Кем “нами”?

– Гретхен, Klarой и мною.

– И что это за игра?

– Это игра в замужество. Понимаешь, Грет... ну, в общем, Гретхен предложила нам, чтобы ты не волновался, сказать тебе, что мы, все трое, собираемся замуж. Она считала, что это успокоит тебя, и поэтому, следуя нашему уговору, я и привела в дом этого Ганса. Знаешь, папа, если честно, я видела его первый и последний раз в жизни. Он – фу! – он такой чистюля, что мне даже противно. Прости, быть может, мне не следовало этого говорить, но, мне кажется, что так оно будет намного справедливее. А сейчас, извини меня, я очень и очень хочу спать. Не говори Гретхен, что я ее заложила, и, пожалуйста, дай мне из холодильника еще одну баночку пива...

В парикмахерскую Зигфрида Шауфенбаха вошел совершенно незнакомый ему молодой человек. Зигфрид Шауфенбах, бросив беглый взгляд на посетителя, совершенно отчетливо осознал, что этот визит будет носить если не эпохальный, то по крайней мере довольно запоминающийся характер. Чтобы оправдать это первое, неизвестно почему возникшее у него при виде молодого человека ощущение, парикмахер начал безостановочно тараторить. При этом ему было абсолютно все равно, что мог подумать о нем неподготовленный посетитель. Ему просто очень хотелось говорить, и он делал это, хоть и взхлеб, но элегантно и немного аллегорично.

– Позвольте рассказать вам одну, по моему мнению, весьма поучительную историю, я бы даже сказал – притчу, – зловеще клацнув ножницами в нескольких сантиметрах от правого уха посетителя, произнес парикмахер.

Молодой человек не без опаски скосил взгляд в сторону Шауфенбаха, однако, заметив широкую улыбку на лице последнего, нехотя согласился.

– Конечно, рассказывайте.

Руки Шауфенбаха задрожали сильнее обычного. Если бы молодой человек был постоянным посетителем парикмахерской, он бы непременно заметил это. Однако этот молодой человек попал сюда совершенно случайно и потому не замечал того, чего не мог бы не заметить даже местный слепой. Иные слепые бывают куда прозорливее, чем прочий зрячий!

– В одной небольшой деревушке, – ловко, хотя и немного раздраженно манипулируя ножницами, продолжил между тем Зигфрид Шауфенбах, – проживали три весьма привлекательные молодые особы. Не знаю, были ли они сестрами или нет, но факт остается фактом – ютились они под одной крышей и занимались тяжелым крестьянских трудом. Вам ведь не обязательно знать, были ли они сестрами или не были? – как-то неестественно выгнув шею, заглянул в глаза посетителю чудной парикмахер.

– Не обязательно, – вяло отреагировал молодой человек.

– Важно то, – сфокусировав взгляд на сонной артерии клиента, проронил Зигфрид Шауфенбах, – что жили они не очень весело, и единственным развлечением девиц были, конечно же, незатейливые любовные похождения. Молодые люди, наслышанные о фривольном характере неразлучной тройцы, навевались к ним с извечной периодичностью. И это, по правде сказать, устраивало всех. Лишь одно обстоятельство доставляло девушкам серьезное неудобство. Для того, чтобы приступить к любовным утехам, им приходилось уводить своего гостя из тесного и неудобного жилья на сеновал, в котором, за неимением другого места, проживал старый и очень сильно обиженный на мир осел. Не знаю, кто из девушек первой догадалась, дабы не смущать своих воздыхателей, завязывать в необходимых случаях ослу его излишне печальные глаза, но с некоторых пор эта незатейливая процедура прочно вошла в традицию. И если на сеновал заходила одна из наших трех героинь и держала в руке черную повязку, осел с ужасом начинал понимать, что вскоре его ждет очередное ненавистное испытание. И дело было не столько в том, что за долгие годы он, естественно, привязался к этим неопрятным, но таким милым девчонкам, и по-своему ревновал их. Дело было в другом. Ему сильно не нравилось его унижительное положение. Ему не нравилось, что все, начиная от его собственных неразлучных красавиц-хозяек до их недалеких ухажеров, держали его за осла. Они ведь просто могли на некоторое время отвязывать веревку и выпускать его на улицу, но они почему-то предпочитали завязывать ему глаза. Быть может, они хотели, чтобы он все же кое-что знал?

От произнесенных фраз и зародившихся подозрений Зигфриду Шауфенбаху стало не по себе. Рука, парикмахера дрогнула. Ножницы с характерным неприятным звоном стукнулись о покрытый керамической плиткой пол. Лицо посетителя побледнело. Парикмахер наклонился, поднял упавшие ножницы, отложил их в сторону и, взяв в руки другие, неожиданно спросил:

– Возможно, они хотели показать ослу, что совсем не стремятся к одной единственной истинной любви?

– Возможно, – поглядывая в сторону выхода, пролепетал посетитель.

– И что, вы думаете, произошло дальше? – вновь воодушевился Зигфрид Шауфенбах.

– Не знаю, – пробормотал коротко остриженный, но очень сильно напряженный клиент.

– А дальше произошло вот что, – зачем-то вооружившись двумя ножницами, победоносно провозгласил Зигфрид Шауфенбах, – как-то на сеновал, где не было никого, кроме приснопамятно-многострадального осла, совершенно случайно забрел неизвестный молодой человек. Шел дождь, и молодой человек, решил, по-видимому, просто переждать его. Присутствие осла и его не менее смурной, чем разыгравшаяся непогода, взгляд не смутили непрошеного гостя. Вошедший снял с себя мокрую одежду, аккуратно развесил ее и, присев рядом с ослом, закурил папиросу. Сделав несколько затяжек, молодой человек неожиданно повернул голову и пустил добрую струю дыма в зазевавшуюся ослиную морду. Слезы жесточайшего разочарования проступили на подслеповатых ослиных глазах. На какую-то долю секунды осел замешкался, после чего, совершив умопомрачительный кульбит, резко выбросил вперед два смертоносных копыта... Удар пришелся молодому человеку в висок... Бездыханный, он упал на окрасившееся в ярко-красный цвет сено...

Не успел парикмахер закончить последнюю фразу, как вдруг только что покорно внимавший его повествованиям клиент выскочил из кресла и, оттолкнув в сторону обалдевшего от неожиданности Зигфрида Шауфенбаха, припустил к выходу. Клацая зажатými в обеих руках ножницами, разгневанный парикмахер выбежал на крыльцо.

– Деньги, негодяй, ты забыл заплатить мне деньги! – крикнул он так громко, что игравшая с кошкой на противоположной стороне улицы маленькая девочка горько заплакала.

– Этого еще не хватало, – подумал Шауфенбах.

Не мешкая, он перешел дорогу, присел на корточки, спрятал ножницы в карман и, погладив девочку по голове, извиняющимся тоном проговорил:

– Не плачь, маленькая! Хочешь, я бесплатно постригу твою кошку?

– Правда? – поднимая на Шауфенбаха влажные, но исполненные доверия глаза, спросила девочка.

– Правда, – ответил Шауфенбах, и, взявшись за руки, они, умиротворенные, весело зашагали в сторону парикмахерской...

РАССРЕДОТОЧЕНИЕ ЗЛА

Маруш Корански легко, словно птица, опустился на стул и, глядя на жадно поглощавшего кукурузные хлопья с молоком Пастикучо, спросил:

– Мэтр, могу ли я попросить Вас уделить мне некоторое время?

Пастикучо, не переставая жевать, внимательно посмотрел своим единственным глазом на молодого визави. Заметив в последнем какую-то странность, мэтр кашлянул, оправил, отложив в сторону ложку, свою седую бороду обеими руками и поинтересовался:

– Ты проголодался, сын мой?

– Увы, мэтр. Печаль моя иного рода. Меня обманывает моя вторая половина.

Единственный цвета черного валета глаз Пастикучо понимающе замерцал.

– Это еще не так страшно, сын мой. Страшнее бывает тогда, когда тебя начинает обманывать твоя первая половина. Хуже всего, когда ты перестаешь быть самим собой, когда твои глаза отказываются видеть очевидное, уши – слышать нелицеприятное, ноги – идти туда, куда им приказывает двигаться мозг, а руки отказываются сжиматься в кулаки, когда тебе грозит совершенно отчетливая опасность.

– Я понимаю, мэтр, и тем не менее...

– Тем не менее, ты беспокоишься о следствии, в то время как, может быть, тебе следует поискать первопричину в себе самом, или ты боишься правды и хочешь исправить лишь следствие?

– Возможно, что так.

– Тогда знай: для того, чтобы исправить следствие, тебе понадобится проделать достаточно сложный и кривой путь, на который уйдет время.

– Наше общество, отец Пастиколо, давно уже строится на принципе “кривизны”, разве не так? – попытался обосновать свою позицию оригинальный Маруш Корански.

– Да, в этом ты прав, сын мой: принцип “кривизны” давно уже возведен чуть ли не в базовый принцип существования нашей цивилизации. Итак, ты еще больше хочешь искривить пространство, в котором мы вынуждены существовать?

– Когда речь идет о моей второй половине, я готов на все.

Мэтр Патикуло вновь взялся за ложку.

– Закажи себе что-нибудь, ибо когда я буду говорить, то хочу, чтобы твой рот был занят: вы, молодые, всегда склонны вступать в рассуждения в самых неподходящих местах... К тому же все эти ваши современные словечки, признаться, очень сильно раздражают меня.

– Мэтр, я постараюсь не перебивать вас, к тому же, если бы вы позволили мне угостить вас абсентом...

– После кукурузных хлопьев с молоком? Что ж, Маруш Корански, ты большой оригинал! Заказывай свой чертов абсент.

Едва отпустив официанта, молодой человек был озадачен довольно точным вопросом прозорливого вещего старца:

– Твоя очаровательная вторая половина стала изменять тебе примерно полгода назад, ведь так?

– Да, но откуда Вы...

– Откуда я знаю – ты ведь это хочешь спросить?

– Я всегда догадывался, мэтр, что вы чрезвычайно информированы, но чтобы до такой степени...

– Здесь нет и не может быть никакой степени. Сейчас, давай-ка, мы выпьем абсент, закажем еще по рюмочке, и я расскажу тебе нечто, что ты можешь воспринять либо как шутку, либо как притчу, либо как руководство к действию. Ибо ко мне и приходят за советами в основном только те, кто знает, что я тем и знаменит, что не столько даю советы, сколько к поставленному вопросу добавляю новые и новые вопросы до тех пор, пока из их совокупности не удастся выделить главное, и тогда...

– Тогда я, возможно, смогу вернуть назад свою вторую половину?

– Может быть, но лучше пока просто послушай одну историю. Кушай свой бифштекс из летучей мыши и, пожалуйста, не забывай вовремя заказывать абсент, ибо мне, старику, для того чтобы моя борода росла лучше, кроме абсента, пожалуй, уж больше ничего и не надо.

– Конечно, мэтр, – согласился Маруш Корански и в очередной раз подозвал официанта.

– Полгода назад ко мне обратилась одна очень привлекательная дамочка самого что ни на есть дееспособного во всех отношениях возраста. И обратилась она вот по какому поводу, – начал свою историю непререкаемый авторитет Пастиколо. – С некоторых пор ее муж перестал ночевать дома. Раз в неделю, ссылаясь на какие-то, по ее мнению, мифические командировки, он собирал в портфель необходимые любому мужчине нехитрые принадлежности: бритвенный станок, зубную щетку, пасту, еще какие-то мелочи, целовал жену в щеку и исчезал на двое суток. Как и любой другой женщине, моей клиентке такое положение дел естественным образом не могло понравиться. После командировок она тщательно, разумеется втайне от мужа, обыскивала его вещи, пытаясь найти следы присутствия другой женщины: волосы, следы губной помады на рубашке и прочее, прочее... Увы, все ее старания не увенчались успехом...

– Вы сказали: “увы,” мэтр Пастиколо, но, быть может, для нее это значило наоборот...

– Эх, молодость, молодость! Я же просил тебя, Маруш Корански, есть молча бифштекс из летучей мыши – смотри, ее крылья совсем уже зачерствели – заказывать мне абсент и главное – не задавать идиотских вопросов. Я сам могу их задать такую уйму, что у тебя закружится не только твоя полупрозрачная голова, но и начнут непроизвольно дергаться ноги.

– Извините, мэтр, но...

– Не надо “но”, давайте к делу. Итак, как я уже сказал, ее старания не увенчались успехом. И тогда она подумала, что, может быть, то, что рассказывает ей ее преданный муж, никакая не выдумка, а самая что ни на есть правда. Так проходили месяц за месяцем, но обязательно в один из дней недели, как правило в четверг или пятницу, ее муж отсутствовал. Наконец, бедная женщина решила поделиться своими мыслями и сомнениями с подругой, которая, не будь душой, чисто по-женски посоветовала моей клиентке отнестись к ситуации по-житейски и попытаться использовать ее с выгодой для себя.

– А что, – сказала она, – если тебе самой завести любовника?

– Я как-то не думала об этом, – ответила моя подопечная.

– А ты подумай, – настаивала подруга, чье поведение никогда не казалось знающим ее мужчинам слишком тяжелым.

– И моя клиентка подумала. И как только она сделала это, с ней стали происходить такие чудовищные вещи, от которых она не смогла найти защиту до сих пор. И эти страшные вещи начали происходить с ней, когда? – отец Пастиколо вопросительно посмотрел на своего визави.

– Неужели полгода назад, мэтр? – пожившись, выдал из себя Маруш Корански.

– Вот именно, молодой человек. Ровно полгода назад. Этот ужас, этот кошмар вошел в ее жизнь в одну из дождливых осенних ночей, когда ее муж, как обычно по четвергам, убыл в очередную командировку. Моя клиентка лежала в постели, когда ей послышалось, будто бы кто-то совсем легкий и маленький топает ножками по ее коридору. Дрожа всем телом, женщина нашла в себе мужество встать с постели. Вынула ножницы из тумбочки. Зажала их в кулаке и, крадучись, подошла к двери спальни и осторожно выглянула в коридор. Шаги неведомого существа не были слышны. Несколько успокоившись и сочтя услышанное за химеру ее воображения, женщина все же вышла в коридор, щелкнула выключателем и зажгла свет. Она внимательно оглядела просторный холл. Открыла шкаф, тщательно осмотрев его внутренности. Потом заглянула под него и, окончательно успокоившись, отправилась в спальню. Шагов слышно не было, и женщина уснула.

Во рту Маруша Корански что-то хрустнуло.

– Вот черт, – выругался он, – поганая костлявая летучая мышь! Извините, мэтр, но лучше бы я взял салат из червяков или кузнечиков... Итак, вы говорите, что шагов больше не было слышно?

– В ту ночь – да, однако через неделю история не только повторилась, но имела гораздо большие последствия. Сначала женщина, точно так же как и в первый раз, услышала шаги в коридоре. Вынув из-под подушки заранее приготовленный кухонный нож, она направилась к двери и, приоткрыв ее, осмотрела залитый предусмотрительно не выключенным светом коридор. Там никого не было. Облегченно вздохнув, женщина хотела уже было закрыть дверь, как вдруг...

– Как вдруг?! – вытянул в экстазе свою длинную шею Маруш Корански.

– Как вдруг кто-то невидимый то ли пробежал, то ли пролетел мимо нее, обдав своим каким-то неестественно холодным даханием. От ужаса она вскрикнула и, резко развернувшись, чтобы увидеть, куда же делось мифическое существо. Как потом бедняжка с трепетом рассказывала мне, то, что она увидела, поразило ее настолько, что она едва не лишилась чувств: одеяло на ее кровати приподнялось, как будто бы кто-то маленький, величиной с кошку, проскользнул под него и затаился, образовав на одеяле характерную выпуклость.

– Кто здесь? – дрожа от страха, спросила женщина. – Уходите, или я вызову полицию.

В ответ существо под одеялом судорожно зашевелилось. Превозмогая ужас, женщина сделала несколько шагов вперед. “В конце-концов, быть может, это всего лишь простая кошка или еще какой-нибудь совершенно безобидный зверек, “ – подумала она.

– Но это был не зверек! – забился в трансе моложавый Маруш Корански.

– Вот именно, юноша, – продолжил Пастикучило, – это был совсем не зверек!

– А кто же, кто же, черт побери? Неужели вы хотите сказать, что...

– Я говорю лишь только то, что говорю и ничего больше. Выводы из сказанного каждый делает сам. Позволь, я все же продолжу.

– Да, мэтр.

– И не забывай заказывать абсент, а не то моя борода засохнет и, не приведя Господь, еще отвалится раньше времени.

– Официант, абсент, – забился в экстазе тщедушный Маруш Корански.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно крикнул Пастикучило и продолжил свой рассказ. –

Итак, она сделала несколько шагов вперед. Вплотную приблизилась к постели. Набрала в легкие побольше воздуха и с криком “убирайся прочь!“ откинула одеяло. Каково же было ее удивление, когда под одеялом она не увидела никого, лишь вмятины от лап или других частей тела неизвестного существа. Она ткнула ножом туда, где только что, по ее мнению, находилось странное существо. Нож не встретил никакого сопротивления. Ни шагов, ни каких-то других звуков слышно не было. Но ей было ясно одно: кошмар будет продолжаться.

– После чего она и пришла к Вам?

– Да, и сделала она это, по-видимому...

– Если я Вас начинаю понимать правильно, мэтр Пастикучило, то сделала она это, по-видимому, совершенно напрасно?

– А ты не так глуп, сын мой, как может кому-то показаться, – улыбнулся Пастикучило, – хотя сама моя клиентка до сих пор уверена в обратном.

– И вы ей посоветовали...

– Друг мой, еще и еще раз напоминаю тебе, что я не даю никаких советов. Просто я рассказал ей историю, очень и очень похожую на ту, которая начала было происходить с ней. Как-то у одной моей старой клиентки, – начал я, – произошло несчастье: умер муж. Не прошло и сорока дней, как в один морозный зимний вечер в дверь ее дома постучали.

– Кто там? – спросила женщина.

– Это я, любимая, открывай – я вернулся, – услышала она до боли знакомый голос своего бывшего мужа.

Перекрестившись, молодая еще вдова выдавила из себя следующую фразу:

– Пожалуйста, я не знаю, кто вы, но вы не мой муж, ибо моего мужа больше нет: он умер, и я это точно знаю.

– Да, нет же, любимая, поверь, – нашептывал из-за двери сладострастный голос, – это я, я!!! Я не умер. Произошла чудовищная ошибка. Пожалуйста, открой дверь – сейчас я тебе все объясню.

Надо сказать, Корански, что та моя клиентка, в отличие от теперешней, была чрезвычайно набожной женщиной и, вероятно по этой причине, ни при каких обстоятельствах, пусть даже столь неординарных, если не сказать больше, не хотела вступать в дискуссии с представителями потустороннего мира.

– Прошу вас уходите, – отрезала она. – Или...или... я вызову полицию, – хотела было добавить женщина, но, осознав полную бессмысленность последней фразы, предусмотрительно замолчала, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью.

В это время, как она впоследствии уверяла меня, некто, выдававший себя за ее покойного мужа, не то расстелился, не то повис там за дверью и, превратившись, в легкий сгусток тумана,

стал просачиваться в квартиру сквозь замочную скважину. В ужасе женщина огляделась по сторонам, и, не найдя ничего лучшего, сняла с плеч траурный черный платок и заткнула им злополучную замочную скважину.

– Вынь платок, – прохрипел такой знакомый ей голос. – Я задыхаюсь. Вынь платок.

– Но я не могу, – решительно ответила женщина, вновь перекрестившись, – если бы вы были моим мужем, то не стали бы превращаться в туман и сочиться струйкой сквозь замочную скважину. Мой муж всегда ходил по земле и никогда не позволял себе никаких вольностей и тем более – превращений.

– Да, но сейчас я сильно изменился, – прохрипел голос, – и я уверен, что если ты вступишь меня и выслушаешь, то полюбишь вновь...

– И ты позовешь меня вслед за собой?

– Да.

– Но я не хочу, не хочу умирать! – взмолилась женщина и, сняв с груди крестик, приставила его к заткнутой платком замочной скважине.

Где-то в глубине Преисподней раздался страшный вопль. Хриплый голос затих. Видение исчезло. Платок выпал из замочной скважины. Подняв его с пола и с облегчением вздохнув, женщина вновь неожиданно сильно содрогнулась от ужаса: платок был мокрым не то от впитавшегося тумана, не то от слез безвременного покинувшего ее мужа.

– Рассказав эту историю своей новой клиентке, – не без удовольствия потягивая абсент, продолжил мэтр Пастиколо, – я преследовал только одну цель: я хотел дать ей понять, что потусторонний мир, каким он существует в людском представлении, на самом деле является ни чем иным, как отражением их собственных поступков или мыслей. И чем чернее и пагубнее их поступки и мысли, тем более мрачные глубины непознанного разверзаются перед человеческим взором.

– То есть вы по существу объяснили ей то, мэтр, что ничего потустороннего якобы не существует, и что все эти людские видения суть игра их воспаленного определенными жизненными невзгодами и неурядицами воображения?

– Именно так!

– Это гениально, мэтр Пастиколо!

– Спасибо, Корански, ты ведь сейчас именно Корански, не так ли? – лукавый глаз Пастиколо заметно позеленевший от изрядного количества выпитого абсента, просверлил насквозь молодого человека.

– В общем-то, да.

– Я так сразу и понял.

– Простите, мэтр, но как восприняла рассказанную вами притчу ваша новая клиентка? Она, конечно же, подумала...

– Ну, естественно.... Она, конечно же, подумала, что гуляющий налево и направо ее собственный муж на самом деле не изменяет ей, а занимается тем...

– Что по четвергам и пятницам обращается в некое мифическое существо, являющееся к ней по ночам и пытающееся соблазнить ее?

– Да, Корански, да и еще раз да!

– Вы благородны, мэтр. Поверьте, я никогда этого не забуду.

– А как бы ты повел себя на моем месте? Ведь если бы я только попытался рассказать ей правду, она, чего доброго, вполне могла бы принять меня за сумасшедшего.

С этими словами трехметровый бородастый циклоп Пастиколо поднялся из-за стола.

– Ну мне пора, юноша. Надеюсь, ты не превратно, а правильно понял мой рассказ.

– Спасибо, мэтр, – полупрозрачное полутораметровое чем-то напоминающее безглазую гусеницу тело Корански вытянулось в струнку. – Теперь я ваш должник.

– Полно, разберись сначала со своей второй половиной, а уж потом, потом, если тебе будет не в тягость, ты, пожалуй, сможешь как-нибудь угостить меня тем же старым добрым абсентом, ибо без него моя борода... впрочем, это уже не важно..., – шатающейся походкой гигантский циклоп направился к выходу.

– Еще одно мгновение, мэтр, – взвился в воздух воодушевленный Корански. – Где живет Ваша новая клиентка, и что она предпринимает против навещающего ее существа?

– Проспект Головастиков шестнадцать дробь четыреста восемьдесят пять тысяч триста двадцать один. Это так же верно, как семьдесят градусов в абсенте. А что она предпринимает против навещающего ее существа? Да, собственно говоря, ничего, если не считать, конечно, того что каждую ночь она затыкает замочную скважину носовым платком...

Полупрозрачная гусеница Корански и циклоп Пастиколо злое и цинично засмеялись.

Как всегда в отсутствии своего мужа бедная, запуганная жуткими видениями женщина, оставив непогашенным свет в коридоре и заткнув носовым платком замочную скважину, легла в постель и, сжав под подушкой ножницы, тщетно попыталась заснуть. Несмотря на советы врачей, подруг и даже самого мэтра Пастиколо, она так и не сумела избавиться от посещавших ее по четвергам или пятницам жутких явлений. Невидимый тщедушный зверек то и дело проникал к ней в квартиру, забирался в постель, бегал по потолку, качался на люстре. Временами он так быстро перемещался из одного места в другое, что бедняжка едва успевала следить за его перемещениями. Иногда он затихал, затихал на такое долгое время, что, казалось, наступившая тишина вот-вот взорвется яростным истошным нечеловеческим криком. Однако, несмотря на все опасения, ничего подобного не происходило: существо, отлежавшись или отсидевшись, или сделав то, что ему было нужно, пошуршав еще какое-то время, как правило, исчезало из ее спальни где-то к середине ночи. И тогда, тогда ее забирал в свои объятия такой радостный и свежий Морфей...

– Милый, – шептала женщина, засыпая, – я знаю, что это ты приходишь ко мне в своем новом облики и проверяешь, верна я тебе или нет. Прости, но я виновата только тем, что однажды, послушав свою подругу, лишь на мгновение подумала о том, о чем никогда не должна думать ни одна порядочная женщина. Но верь мне, мой зверек, я останусь верной тебе всегда. Слышишь меня? Всегда! И если можно, ты лучше перестань ездить в эти дурацкие командировки и приходи ко мне по четвергам или пятницам в своем привычном для меня человеческом облики. А так, прости, но иногда мне бывает очень и очень страшно... потому... потому, что пусть редко, но все же иногда мне кажется, что этот зверек, это странное мифическое существо – вовсе не ты, а...

Полупрозрачная гусеница Корански тихо подползла к квартире, расположенной по адресу: проспект Головастиков шестнадцать дробь четыреста восемьдесят пять тысяч триста двадцать один. Была пятница. Стояла зловещая безлунная ночь. Дверь квартиры, как и предполагал Корански, оказалась запертой.

– Вот дьявол! – выругался Корански и, вытянув свое тело в два раза, сузив при этом его диаметр, сунулся было в замочную скважину. – Платок. Тупая уродина. Неужели она действительно думает, что это может нас остановить?!

Просочившись сквозь ткань и попав в ярко освещенный коридор, Корански огляделся по сторонам:

– Маруш, ты здесь? Я знаю, что ты здесь! Выходи или я устрою тебе небывалую взбучку.

Так как ответа не последовало, Корански прополз чуть дальше и попал в освещенную торшером спальню. На огромной кровати лежала миловидная женщина, которую Корански сразу узнал не столько по описаниям мэтра Пастиколо, сколько по навечно застывшему в ее широко открытых глазах выражению ужаса и печали. Женщина в упор смотрела на него, Корански, и, казалось, совсем не замечала удобно устроившегося у нее между ног наглого Маруша, пред-

ставлявшего из себя два перепончатых крыла с прилепленными к их основанию парой выпученных глаз и чем-то отдаленно напоминающим комариный хоботком.

– Так вот, оказывается, где ты пропадаешь?! – позеленев от гнева, закричала неполноценная гусеница Корански.

Женщине показалось, что воздух в комнате стал намного холоднее. Мурашки дурного предчувствия пробежали по ее телу.

– Кто здесь? Прошу вас, уходите! – не видя в упор ни одного из незванных гостей и к тому же не чувствуя тяжести горделиво восседавших на ней пары перепончатых крыльев, в исступлении закричала женщина. – Я больше не в силах это переносить!

– Как ты нашел меня, Корански, – захлопал крыльями застигнутый врасплох бедолага Маруш, – неужели наши стрекозогусеничные собратья выдали меня?

– Какое это имеет значение! Ты предал меня! Ты имел наглость уверять меня, что улетаешь в клеверную долину подышать свежим воздухом и посмотреть на игры гигантских бабочек, а сам... сам... – из всех щелей узловатого тела Корански забрызгала желтая жидкость.

– Не надо брызгать слюной, дорогой, ты ведь прекрасно знаешь, что несмотря ни на что, я всегда возвращаюсь на место – ведь мы с тобой, – на глаза “пары крыльев” навернулись слезы, – ведь мы с тобой...

– Одно целое, правда? – вторила Марушу его полупрозрачная гусеничная половина Корански.

– Конечно, – ответил Маруш и, легко взмахнув крыльями, быстро перенесся на изначально уготованное ему природой место, расположенное на спине Корански.

Две половинки слились в одно целое.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно крикнул не то Корански, не то Маруш.

– Никаких обид?

– Нет. Но при одном условии.

– Каком?

– Нам надо раз и навсегда покончить с этим, – гусеница Корански многозначительно вытянулась в направлении забившейся в угол кровати насмерть перепуганной женщины.

– Нет никаких проблем. Она меня больше не интересует. И вообще все эти люди – странные существа, – отозвалась верхняя половина Маруша Корански.

– Тогда за дело.

– Начинай.

Сломленная долгой борьбой со сном и, как обычно к утру, успокоившаяся женщина, закрыла глаза и, умиротворенная, увидела во сне вернувшегося из командировки ее любимого и ненаглядного мужа. Она хотела было подняться с постели и поприветствовать его, как вдруг он неожиданно накинулся на нее и, вынув из-за пазухи полиэтиленовый пакет, надел ей через голову и, улыбаясь, долго смотрел, как, задыхаясь, она засыпает наверное одним из самых крепких в ее жизни снов...

Дождавшись, когда женщина заснула, Маруш и Корански – точнее, Маруш Корански осторожно, чтобы не разбудить ее, надвинул ей на лицо подушку и, взгромоздившись сверху, абсолютно дурацким, хоть и мало кем различимым голосом, запел:

Спи, моя радость, усни.

В небе погасли огни.

В Геенне Огненной сильнее прежнего разбушевался огонь. Мир содрогнулся. Птицы на мгновение прекратили свой утренний щебет.

Вечером следующего дня одухотворенный и как будто заметно помолодевший Маруш Корански вновь предстал перед пронзительным взором Пастиколо.

– Мэтр, я могу отвлечь Вас еще на несколько минут?

Единственный глаз бородатого циклопа сузился до щелки, напоминавшей бойницу:

– Я вижу, Маруш Корански, ты окрылен, а, значит, воспринял мои вчерашние рассуждения не как...

– Шутку, мэтр, и не как притчу, а как руководство к действию. И вот результат – как видите, мы снова вместе с моей прекрасной половиной!

– Что ж, сын мой, она действительно прекрасна, за что, кстати, и можно выпить...

– Не нарушая добрых традиций – абсента, отец Пастикуло?

– Абсента, Маруш Корански, абсента. Вы очень гармонично смотрите вместе!

– Спасибо, мэтр. Теперь, я надеюсь, моя вторая половина едва ли когда-либо покинет меня, ибо...

– Ты уничтожил следствие?

– Да, и теперь мне осталось докопаться до первопричины.

– И ты хочешь, чтобы я тебе в этом помог?

– Мэтр, я в который уже раз поражаюсь вашей прозорливости.

– Хорошо. Но давай выпьем сначала за твои крылья! И да не будут они более никогда обрезаны!

– И за вашу бороду, мэтр Пастикуло! И да пусть она растет вечно, орошаемая абсентом!

АЛЬ ЗАРАН – СОЧИНИТЕЛЬ

Далеко в лесу, на берегу замшелого пруда, то ли в доме, похожем на избушку, то ли в избушке, похожей на дом, в тиши и уединении проживал Аль Заран, сочинитель. Никто не знал и не помнил, как давно поселился в этих Богом забытых местах странный и увлеченный исключительно писательством человек. Разве что кто-то из птиц, зверей или молчаливых рыб, соседей Аль Зарана, мог бы поведать непростую историю его жизни. Но все они, эти теплокровные и не очень создания, словно сговорившись, при одном упоминании этого словно отмеченного проклятием имени либо улетали, убегали, уплывали, либо просто отходили в сторону, многозначительно давая понять, что для обитателей магического леса тайна личности Аль Зарана – тема запретная. И только вредная росомаха без имени и дешевая гулящая девка из близлежащей деревни заходили иногда в дом Аль Зарана, сочинителя, и позволяли себе некоторые вольности в отношении неординарного хозяина.

А то, что Аль Заран был личностью неординарной, поверьте, видно не только из его произведений, которые вы наверняка читали, а если нет, то скоро, безусловно, прочтете, но и по его внешности и, если так можно выразиться, манерам. Аль Заран был высок, сутул, лыс и худощав, а манеры, о которых я упомянул чуть выше, отсутствовали у него напрочь. Что же до его творчества, то об этом стоит сказать особо. Порой оно уводило сочинителя в такие дебри, то даже дремучий лес, в котором он обитал, мог показаться оживленной улицей города или известным на весь мир курортом. Да, творчество его было запутано, чудовищно, а временами и натуралистично. По существу говоря, Аль Заран не был писателем, он был именно сочинителем, создающим свой собственный ирреальный мир.

В этом мире роль человека была низведена до роли инфузории в ходе эволюционного процесса. А остающееся многим непонятным огромное пространство, порожденное человеческой фантазией и населенное мириадами небывалых существ, представлялось Аль Зарану не чем иным, как истинным воплощением Вселенной. И каждый раз, садясь за компьютер, он заполнял этот ирреальный мир какой-нибудь очередной малопонятной частицей фантазийного вещества. А поскольку мысли самого Аль Зарана по большей части были окрашены в черный цвет, то мир, который он воссоздавал в своем творчестве и активно навязывал читателям, был миром таких чудовищ, греха и порока, как если бы Ад мог существовать на Земле, а не на небесах.

Питался Аль Заран скромно: дичью, на которую расставлял силки, и рыбой, которую вылавливал из пруда, закидывая на ночь сети. Примерно раз в месяц он вызывал такси и ездил в близлежащий супермаркет за предметами гигиены, выпивкой и сигаретами, которые закупал в невероятных количествах. Вы верно удивились, когда узнали, что Аль Заран, несмотря на кажущуюся беспомощность, был способен довольно легко решать свои бытовые проблемы. Что ж, не удивляйтесь! Он был хоть и сочинитель, но отнюдь не дурак! Именно по этой причине я, в то время действующий сотрудник одной из американских спецслужб, и был заслан в это Богом забытое место. Да-да, вы не ослышались, как, впрочем, и сейчас – а тогда, в начале восьмидесятых, в особенности – мы были крайне заинтересованы в том, чтобы такие люди, как Аль Заран, работали в нужном нам направлении. Он хорошо умел запудривать людям мозги, этот горе-сочинитель. И это было очень важно. Он знал или чувствовал, что такое страх. И умел управлять им.

Вскормленные его буйным воображением химеры должны были, по нашему замыслу, обратиться в полчища и устремиться в виде потоков соответствующей литературы и кинофильмов как на наших доверчивых американских сограждан, так и на жителей других стран. Какую цель мы этим преследовали? Наивный вопрос: запуганные и одурманенные таким образом люди становились более предсказуемыми, а значит, не представляющими угрозы для правящей элиты. Финансовые злоупотребления, политические убийства, военные операции – все это на фоне культивируемого средствами массовой информации кошмара как бы отступало на второй план или, по крайней мере, воспринималось обществом как должное. Именно поэтому, как я понимаю теперь, по прошествии стольких лет, им, создающим кошмар в реальной жизни, и понадобился такой человек, как Аль Заран, сочинитель ужасов.

Однако я не собираюсь утомлять вас подробностями политической подоплеки. Но те несколько встреч с сочинителем и визуальных наблюдений за ним, коих я был участником, дают мне право рассказать о кумире миллионов то, чего он сам так никогда и не признавал и во что категорически не верил – правду. Да и зачем ему нужна была эта правда, ведь он был иллюзионистом кошмара... и, надо признаться, весьма неплохим. Да, его история совсем не типична и вряд ли поучительна. Именно поэтому, наверное, мне и хочется рассказать ее вам, ибо знайте: когда-нибудь кошмар рассеется, точно туман, и из промозглых болот и дремучих лесов выйдут сотни и тысячи, и миллионы заблудших... И вновь воцарится день, и тьма, созданная воспаленным воображением Аль Зарана, отступит... пусть даже не более, чем на половину рокового шага...

Это страшная история про одну девочку, которая очень не любила взрослых. А было девочке всего-то двенадцать лет от роду. И звали ее Ребекка – Черная Блузка. Родители Ребекки работали на ферме и зарабатывали совсем немного. И если и могли что сделать для дочери, то только самое необходимое. Серо и однообразно протекало ее детство. Мало у нее было игрушек, а из одежды – разве что полустоптанные башмаки, выцветшая и оттого непонятно какого цвета юбка, да едва ли не единственная приличная вещь – черная блузка, из-за которой и получила Ребекка свое необычное прозвище.

Друзей у девочки не было, да и быть не могло, поскольку на ферме, где она жила со своими родителями, кроме хозяев – мужа и жены Лаггинсов – и еще четырех бездетных семей, никого больше не было. Из-за нищеты и необходимости работать по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки не только родители, да и никто другой из взрослых, не обращал на девочку никакого внимания. Как-то сама по себе она сначала научилась сосать материнскую грудь, плакать, потом ходить, разговаривать, а еще через какое-то время, лет эдак с пяти, помогать родителям по работе. Даже сам факт ее рождения оставался покрытым мраком, ибо никто из местных, включая ее отца, не мог вспомнить, чтобы мать Ребекки была беременна. Просто однажды

ночью она ушла куда-то далеко-далеко за край поля, откуда вернулась под утро, страшно напуганная, со свертком в руке, в котором и обнаружили крохотный комочек, впоследствии превратившийся в замкнутую и ненавидящую взрослых девочку. Поговаривали даже, что ее настоящим отцом был не кто иной, как огнедышащий вороной жеребец – легенда здешних мест... Но это уже из области слухов...

И когда собирались взрослые на свои нечастые праздничные посиделки, сдобренные изрядным количеством выпивки, главным объектом острот и нападок была маленькая и беззащитная Ребекка. Долгие годы копила она обиду. И когда черная блузка стала ей непомерно мала, обида неожиданно выплеснулась наружу в виде необъяснимых на первый взгляд и диких по своей сути поступков. Первым ушел из жизни ее отец: видимо, будучи полностью уверенной в том, что на самом деле появлению на этот свет она обязана огнедышащему вороному жеребцу, Ребекка решила устранить малопривлекательного, по ее мнению, отчима. Однажды ночью, дождавшись, когда родители крепко уснут, Черная Блузка до краев наполнила водой ведро и поставила его к изголовью супружеского ложа. Затем она аккуратно, чтобы не разбудить, опустила голову отца в воду и произнесла многозначительное и ужасное:

– Пей!

Сделав во сне несколько глотков, отец Ребекки попытался глубоко вздохнуть и тут же скончался, так и не осознав, отчего так сразу потяжелели его еще совсем недавно такие легкие легкие. Рассмеявшись в кулачок, Черная Блузка выскользнула за дверь и, продираясь сквозь кромешную темноту ночи, побежала туда, за край поля, где когда-то давно ее несчастная мать повстречалась с легендарным вороным конем.

– Конь-огонь, приди и тронь! – выкрикнула девочка, вероятно, одной только ей понятную присказку.

Однако вместо коня прямо перед ней неожиданно, точно из-под земли, выросло огромное рогатое существо.

– Ты бык? – нисколько не испугавшись, спросила Черная Блузка.

– Нет, я – инкуб. Когда-то я был близок с твоей матерью, – ответил бык.

– Значит, ты мой отец?

– Вряд ли. У инкубов не может быть детей.

– Однако ты, должно быть, знаешь, кто на самом деле мой отец – ведь ты давно здесь живешь, верно?

– Нет, я вообще не живу.

– А мой настоящий отец жив?

– Был несколько минут тому назад... пока не захлебнулся...

– Но это сделала не я.

– Конечно, и тебя никто не должен ругать за это, даже...

– Мама?

– Вот именно, разве ты хочешь завтра утром оправдываться перед ней за то, чего не совершала?

– Конечно, нет.

– Тогда вернись туда, откуда пришла, и доделай то, что не доделала, – сказал инкуб и так же быстро растворился в воздухе, как несколько минут назад вырос из-под земли.

Когда я в первый раз приехал к Аль Зарану, то застал его, мягко говоря, за весьма странным занятием. На мой стук никто не отозвался, однако поскольку дверь была не заперта, я без особого труда вошел в дом. Сочинитель сидел за обеденным столом, вяло постукивая пальцами по клавишам компьютера. Он был как бы здесь и одновременно где-то еще. Во всяком случае, на мое чуть-чуть извиняющееся: “Здравствуйте, Алонсо”, он ничего не ответил,

а в задумчивости повернулся на кресле ко мне спиной, взял со стоявшего рядом журнального столика несколько ягод винограда и, съев одну из них, запустил следующую в стоящую напротив него на коленях и закованную в цепи абсолютно голую женщину.

– Развлекаетесь? – спросил я скорее у нее, чем у него.

– Какого черта тебе здесь надо?! – встрепенулась женщина, и сковывающие ее кандалы угрожающе забренчали.

Между тем Аль Заран, продолжавший жить собственной жизнью, вновь отвернулся к столу и заметно энергичнее застучал по отполированным клавишам.

– Я хотел бы побеседовать с писателем.

– Не видишь, идиот, он работает, а я ему помогаю.

– И скоро вы закончите? – заглянув в ее бестыже-серые глаза, поинтересовался я.

– Этого никто не знает.

– Что, Эльза, у нас гости? – неожиданно возвратился на грешную землю Аль Заран, сочинитель.

– Да, Алонсо, к тебе пришли. Пожалуйста, развяжи меня.

– Сиди, шлюха, тихо, как мышка, иначе мне придется подвесить тебя вверх ногами, – закричал он и, испепелив меня взглядом, добавил: – Кто вы такой?

– Я агент ФБР, – представился я. – Работаю на правительство Соединенных Штатов.

– А я – Алонсо Заран. Сочинитель, – съязвил неординарный хозяин дома.

– Вот и славно, – парировал я, – а то я уже начал было думать, что ошибся адресом.

По-видимому, эта нехитрая для хорошо обученного агента реприза произвела должное впечатление на писателя, и он предложил мне сесть.

– Не хотите ли попробовать? – пододвигая ко мне вазу с виноградом, спросил Аль Заран.

– Попасть ей в глаз? – глядя на девушку, уточнил я.

– Нет, просто попробовать, какой он сладкий.

Несколько смутившись, я ради приличия оторвал от спелой грозди понравившуюся мне ягоду и, отправив в рот, заметил:

– Действительно, вы правы, Алонсо, этот виноград великолепен.

– Зачем вы пожаловали, ведь вы, наверное, знаете, что я не люблю посетителей?

– Да, но в вашей жизни произошло нечто примечательное.

– Что же?

– Вы стали очень популярны.

– Но это не карается законом!

– Более того, это скорее приветствуется. Особенно нам импонирует направленность вашего творчества: создаваемые вами миры ужасны, что приятно оттеняет светлые стороны нашего общества.

– И вы хотите, чтобы я стал тенью для общества?

– Вы и так уже его тень.

– Что ж, признаюсь, вы несколько заинтриговали меня. Что вы предлагаете?

– Мы поможем вам...

– В обмен на что?

– Вы даже не спросили, в чем мы вам поможем?

– Вы поможете мне в том, о чем я вас попрошу! Я повторяю свой вопрос: в обмен на что?

– На возможность не часто, а где-то раз в месяц встречаться с вами и говорить о вашем творчестве.

– Мне надо подумать, – ответил Аль Заран и вновь так же резко, как несколько минут назад, повернулся ко мне спиной.

– Сколько вам нужно времени? – поинтересовался я.

– Месяц, – отрезал он и вновь довольно бойко забарабанил по клавишам.

Вернувшись домой на рассвете, Ребекка увидела перед собой картину, которая лишь утвердила ее в целесообразности происходящего. Ее мать так и не проснулась, а отец, распухнув и посинев, и вовсе непонятно каким образом свалился на пол, перевернув злополучное ведро с водой. “Ведро, по-видимому, с грохотом упало, – подумала Черная Блузка, – вода разлилась, точно кровь... И никому до этого не было дела. А ведь нужно как можно скорее убрать отсюда весь этот мусор.” Осторожно ступая, чтобы – чего она опасалась больше всего – не разбудить отца и мать, Ребекка вышла на кухню, достала из шкафа полиэтиленовый пакет и, попробовав его на прочность, возвратилась в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.